

— Эта глупая косуля именно такая, — говорил кто-то. — У них очень низкий интеллект. Когда слышат шум, вместо того чтобы убежать, они замирают и застывают на месте. Если во время погони за косулей устанешь и остановишься отдохнуть, она будет ждать тебя неподалёку. Когда отдохнёшь и продолжишь преследование, она снова побежит. Конечно, косули бегают очень быстро, и поймать их нелегко. Если во время побега она заметит, что ты перестал её преследовать, то вернётся на прежнее место, чтобы выяснить, что произошло. Именно такая «однобокая» привычка делает их лёгкой добычей для охотников. Более того, если удастся подстрелить одну косулю из стада, остальные будут наблюдать за тобой неподалёку, а некоторые даже приблизятся, чтобы рассмотреть. Поэтому многие охотники особенно любят охотиться на этих глупых косуль.

— Действительно, очень глупые, — произнёс Си Мохань, лёгким пинком задевая косулю на земле.

— Как её донести? — Глядя на такую большую косулю, Си Мохань задумался, как её унести. На спине у него уже были дикий фазан и дикий кролик, и больше он не мог взять эту глупую косулю. Чэнь Сяюнь был слишком мал и тем более не смог бы её унести.

— Всё просто, — сказал Чэнь Сяюнь. — Используй лиану, чтобы привязать её и вести за собой. — Он попросил Си Моханя срубить рядом лиану, обвязать её вокруг шеи косули и, потянув за неё, заставить косулю следовать за ними.

Си Мохань, неся на спине дикого фазана и кролика, смотрел, как Чэнь Сяюнь впереди вёл косулю, напевая от радости, и улыбнулся. Удача этого малыша действительно была невероятной. Он помнил, как его дедушка рассказывал, что сейчас дичь добывать очень сложно. Дикие фазаны при малейшем шуме улетают, а кролики прячутся в норах. Только благодаря тому, что он служил в армии, ему иногда удавалось поймать фазана, но это было редкостью. Никто не мог сравниться с этим малышом, который каждый раз возвращался с добычей, да ещё и с косули, которая словно ждала, чтобы её поймали.

Эта удача была просто феноменальной...

Двадцать четвертое число, приготовление тофу.

Накануне вечером бабушка Чэнь замочила соевые бобы, а ранним утром уже начала готовить тофу. После завтрака дедушка Чэнь принялся мыть жернова. У них ещё не было машин для приготовления тофу, всё делалось вручную.

Когда дедушка Чэнь закончил мыть жернова, бабушка Чэнь принесла замоченные бобы. Дедушка вращал жернова, а бабушка подсыпала бобы. После нескольких оборотов жерновов из них начала вытекать жёлтая соевая масса. Под жерновами стояла бочка, куда и стекала эта масса.

Примерно через полчаса все бобы были перемолоты в соевую массу. Дальше всё было делом бабушки Чэнь. Дедушка, сложив руки за спину, отправился проведать теплицу.

Чэнь Чжу помогала разжигать огонь, а Чэнь Сяюнь сидел рядом, ожидая, когда можно будет попить соевого молока. Бабушка Чэнь вылила всю соевую массу в котёл и начала медленно её варить.

Примерно через полчаса соевое молоко было готово. Бабушка заранее установила на балке фильтрующую рамку. Она налила соевое молоко в рамку и начала медленно его процеживать, чтобы оно стекало в чистый таз. В рамке оставался только отфильтрованный соевый жмых.

После нескольких таких процедур вся соевая масса была процежена.

Соевый жмых тоже был деликатесом. Бабушка Чэнь отложила его в сторону. Если хотелось выпить соевого молока, это можно было сделать сразу. Бабушка налила две миски молока для Чэнь Сяююня и Чэнь Чжу, а также ещё одну большую миску поставила рядом.

Затем бабушка начала готовить тофу, строго запретив Чэнь Сяююню и Чэнь Чжу разговаривать. Причина этого была неизвестна Чэнь Сяююню, но он помнил, что в прошлой жизни было то же самое. Когда бабушка готовила тофу, никто не мог говорить. Это, видимо, был местный обычай, и не только в их семье, но и в других домах.

Бабушка достала гипс и начала серьёзно добавлять его в соевое молоко, постоянно помешивая. Когда она решила, что достаточно, то перестала добавлять гипс и накрыла таз с соевым молоком марлей. Если хотели съесть тофу, то через десять минут он был готов.

На этот раз бабушка также налила большую миску тофу, снова накрыла марлей и оставила на полчаса. Если хотели получить твёрдый тофу, можно было подождать дольше, а для мягкого тофу хватало десяти минут.

Тофу в доме бабушки Чэнь должен был храниться до Праздника фонарей, поэтому его сделали немного твёрже.

В сито положили ткань, завернули в неё тофу и сверху придавили чем-то тяжёлым или подходящим камнем. Для мягкого тофу использовали деревянные предметы.

Бабушка Чэнь использовала камень, который дедушка специально нашёл в реке. Этот круглый камень был предназначен именно для прессования тофу. После каждого приготовления бабушка мыла камень и оставляла его для следующего раза.

Бабушка убрала готовый тофу, а Чэнь Сяююнь допил своё соевое молоко.

— Отнеси эту миску соевого молока и тофу дедушке Си, — сказала бабушка, упаковав всё и передав ему.

— Хорошо, — ответил Чэнь Сяююнь, допив последний глоток молока, вытер губы и понёс миску.

— Осторожно, не пролей.

— Знаю.

Двадцать седьмое число, дедушка Чэнь снова собрал урожай в теплице, упаковал его и приготовился отвезти в уездный город.

После обеда дедушка собрал всё, что нужно. Это был последний раз перед Новым годом, и урожая было много. Даже Чэнь Чжу пришлось нести корзину за спиной. Также была та самая глупая косуля, которую поймали Чэнь Сяююнь и Си Мохань. Её не стали убивать сразу, а держали два дня, и только утром попросили четвёртого дедушку Чэнь Сяююнь забить её. Часть мяса отдали четвёртому дедушке, часть — дедушке Си, ещё часть — пятому дедушке из посёлка, а остальное оставили себе. Осталось примерно 10 цзиней, которые также упаковали и увезли на продажу на следующий день.

На этот раз Чэнь Сяююнь решил не ехать. Его отсутствие ничего не изменило, так как он уже дважды ездил с ними, и дедушка с бабушкой давно освоили этот процесс. Без него они могли

двигаться быстрее, не беспокоясь о нём.

Чэнь Сяююнь вынес два горшка с хорошо растущими орхидеями и попросил дедушку отвезти их старому господину Линю, сказав, что тот сам знает, сколько за них заплатить, чтобы дедушка не волновался.

Бабушка приготовила ужин для Чэнь Сяююня, накормила свиней и, не совсем доверяя ему оставаться одному, попросила его позвать Си Моханя, чтобы тот переночевал с ним, или пойти к нему домой. Вечером нужно было хорошо закрыть двери.

Долго наставляя его, бабушка всё же не успокоилась и специально ходила к дедушке Си, чтобы предупредить их. Где он будет ночевать, решали они сами.

Чэнь Сяююнь снова заверил её, что закроет двери, поест и позовёт кого-нибудь, чтобы переночевать с ним. Только тогда бабушка успокоилась и ушла.

Вечером Чэнь Сяююнь не стал ужинать дома, а взял приготовленную бабушкой вяленую свинину и пошёл к Си Моханю, чтобы поесть с ним и его дедушкой. После ужина он не вернулся домой, а остался ночевать у Си Моханя.

Вечером, помыв ноги, Чэнь Сяююнь разделся до нижнего белья и лёг спать. Ему стало холодно, и он дрожал, когда залез под одеяло.

Открыв глаза, он увидел, что Си Мохань был только в трусах... Его лицо мгновенно покраснело.

— Ты... почему ты не одет? — Чэнь Сяююнь даже не мог смотреть на него, только бросал взгляды в сторону.

— Кто спит в одежде? — Си Мохань не понимал, почему он так краснеет.

— Но... ты мог бы надеть нижнее белье или пижаму.

— Я не привык спать в одежде, — сказал Си Мохань, видя, как Чэнь Сяююнь дрожит от холода, но всё ещё не ложится.

— Тебе не холодно?

— Холодно. Тогда почему ты не ложишься?

Чэнь Сяююнь, не в силах больше терпеть холод, начал убеждать себя, что он ещё ребёнок... и лёг на край кровати.

— Ты не боишься упасть ночью, если будешь спать на краю? — Си Мохань с сомнением посмотрел на него, а затем потянул к себе. Чэнь Сяююнь даже не успел опомниться, как оказался у него в объятиях.

Он не знал, куда деть руки и ноги, всё его тело напряглось.

— Ты так нервничаешь? Я же не съем тебя, — Си Мохань, видя его скованность, начал щекотать его бок.